

Это не рецензия, не статья о цирке и не критический очерк. Скорее — просто факт из жизни. Человек, с которым пойдет речь, сейчас в Тбилиси.

Трюк Симидо

Был один из тех неудачных дней, когда, проработав весь день, вдруг осознаешь, что ничего не вышло, и надо все начинать сначала, и с обидой и ненавистью к себе вспоминаешь, сколько раз за день, отчаянно глотнув воздух, уходил в глубину и, так и не достав дна, выплывал, боясь задохнуться... В такие дни слабеет воля и ускользает вера, и надо вернуть ее, иначе не станет сил работать завтра — не станет сил снова сесть за стол, победить страх перед бумагой, взять ручку и написать первую фразу. Потом зачеркнуть ее и написать снова, заменив в ней только одно слово, а потом заменить другое слово, потом — третье, потом опять вернуться к первому и вдруг зачеркнуть все и написать совершенно новую фразу и все в ней начать сначала, и так до тех пор, пока из нескольких перечеркнутых страниц не возникнет, наконец, простая и спокойная и ясная, как дневной свет, единственная фраза.

В тот день я не написал ни одной фразы и, оравленный отчаянием и неверием в себя, пошел по улицам без цели и без желания кого-либо встретить, и так шел, пока случайно не очутился перед цирком

и тогда, ничего не решая и ни на что не надеясь, машинально вошел в цирк.

Первое отделение подходило к концу. На манеже стояли две башенки со ступеньками и с туго натянутыми между ними двумя канатами. На канатах посередине разместились маленькая квадратная площадка. Артистов было шестеро: четверо мужчин и две женщины. Женщины становились на головы мужчин, и мужчины легко и просто поднимались с ними по ступенькам башенок, проходили по канатам и спускались.

Потом тот, что был пониже и старше всех, взял на лоб длинный толстый шест — «перш», а другой — молодой, широкоплечий и высокий — встал на конце шеста на руки, а потом — на голову, расставив для равновесия руки и ноги, и нижний стал подниматься с ним по ступенькам башенки. Но еще до того, как ему поставили на лоб «перш», я заметил, он стоял в стороне и несколько раз медленно вдохнул воздух. Я узнал знакомое состояние ожидания и предвидения трудности — состояние, когда готовишься нырнуть и набираешь в легкие побольше воздуха. Когда «перш» поставили ему на лоб, лицо его уже

было спокойно, а я уже знал, как он пришел к этому спокойно, и следил за ним состраданно и напряженной заинтересованностью.

Он неторопливо поднялся на площадку башенки, осторожно повернулся лицом к канатам, поставил одну ногу на канат, вторую — на второй канат, чуть согнул ноги в коленях, расставил руки и сделал первый шаг...

Шаги были короткие, точные, впрямие и неправдоподобно верные и вели к зыбкой площадке на середине канатов. Когда он ступил на нее, цирк вздохнул. Непонятно было, как он сойдет теперь вниз и как снимут с него «перш»...

Он постоял на площадке, словно осваивая новую почву под ногами, и вдруг ноги его подломались в коленях и стали сгибаться. Они сгибались медленно и не от того, что давил «перш», а подчиняясь скрытой внутри них силе, которая боролась и с «першем», и с балансирующим наверху человеком, и с упругой дрожью натянутых канатов.

Когда он сел на площадку и выгнул перед собой на канатах ноги, цирк замер, потому что все поняли, что он хочет сделать. Я почувствовал боль в затылке и на лбу и инстинк-

тивно схватился за край стены в проходе, где стоял.

Он осторожно согнул одну ногу и, оперев ее в край площадки, стал медленно валиться на бок. «Перш» врос ему в лоб. Он, не отрываясь, смотрел вверх. Расставленные в стороны руки перехватывали в воздухе невидимые упоры, удерживая его на зыбкой, вздрагивающей от каждого движения площадке. Ноги, неторопливо сгибаясь и снова выпрямляясь, передвигались вокруг тела и поворачивали его под основанием «перша» от дельно от прикованной к нему головы, и вдруг ноги верхнего, расставленные над вершиной «перша», вздрогнули и тоже стали поворачиваться...

«Перш» с опрокинутым на его вершине человеком медленно повернулся вокруг своей оси и замер. Человек снизу снова сел, вытянув ноги на канаты — так, как сидел до того, как начал поворачиваться (Потом в разговоре со мной он назвал это «пируэтом»).

Цирк все еще не смел аплодировать, потому что после всего пережитого вместе с ним, все видели, что ему еще надо теперь встать на ноги, пройти по канатам вторую половину пути до второй башенки и спуститься по ступенькам вниз.

Он подобрал ноги, согнув их в коленях, и уперся в колени руками. Неожиданно ноги стали поднимать его, и это было неестественно, потому что для этого мало было тех мышц, которые проступили в этот момент на его икрах и бедрах, а нужен был еще и дополнительный

упор в площадку. Но руки его упирались в колени, и поднимала его скрытая внутри него сила, которая спокойно и постепенно нарастала и заставляла его выпрямляться. А когда он выпрямился и постоял, привыкая к канатам под ногами, а потом сделал первый короткий нащупывающий шаг, я уже не сомневался, что главное пройдено, и как бы он ни устал, он теперь дойдет до конца...

Вдруг он остановился, сделал шаг назад к площадке, пригнулся, поправляя что-то внутри себя, и постоял так, согнув колени и напряженно вглядываясь вверх. Потом снова выпрямился и расставил руки...

Казалось, он шел медленнее, чем когда шел на середину, потому что теперь все хотели, чтоб он прошел скорее, пока еще у него есть силы и пока ничего не случилось, и он не упал.

На площадке второй башенки он постоял, осваивая под ногами твердую почву, потом все так же, не торопясь, словно начиная только номер, сошел по ступенькам вниз, вышел на середину манежа, скинул коротким движением с головы «перш» с прыгнувшим с него человека и, прищурив без того узкие глаза, оглядел цирк. Потом быстро поднял руки, и все его партнеры тоже подняли руки, а люди вокруг что-то кричали и свистели, и хлопали изо всех сил.

Я прошел за кулисы и стал ждать, пока он оденется и выйдет из своей уборной. Пока он оделся, я узнал, что он —

знаменитый Симидо и то, что он только что сделал, делает он один, и никому в Союзе повторить это пока не удалось.

Я ему сказал то, что успел вместить в слова. Это была малая часть всего, что я хотел сказать. Он, прищурившись, молча и не улыбаясь, слушал меня, а потом один раз сразу за все улыбнулся и поблагодарил. Мы поговорили еще немного и из нескольких случайных и небрежных фраз я узнал, что «трюк» этот (он называл это «трюком») он сделал впервые в 1933 году в Тбилиси и с тех пор делает его каждый день тринадцать лет. В этом году впервые в жизни он взял отпуск и отдохнул и теперь после отдыха ему трудно работать, потому что за месяц мышцы отвыкли от нагрузки.

— Исполнится 50 лет — и уйду на пенсию! — Он улыбнулся второй раз. — Мы с Советской властью ровесники!..

Отца его, корейца Симидо, продали в Россию японцы. В России он стал циркачом, женился на русской, «работал перш» с сыном. В 1933 году отец попал в железнодорожную катастрофу и единственный из всех пассажиров чудом выжил, потеряв ноги и кисти рук. Потом он умер.

Все это время сын заменял его и нес за него его «перш». И несет по сей день. Тридцать с лишним лет. А всего в цирке — сорок два года. Сейчас ему — сорок восемь, и на лбу у него под волосами обычная для всех «першевиков» круглая большая мозоль.

Армен ЗУРАБОВ.

207